

Глава 2

Деревенские толки (часть 2)

Да, всё верно: Гу Чжао был «попаданцем».

Всего полмесяца назад он, студент-четверокурсник, только-только устроился стажёром в солидную химическую компанию. Его специальность ценилась высоко, и перспективы открывались завидные. Пока большинство одноклассников штурмовали магистратуру, Гу Чжао, будучи сиротой, стремился как можно скорее встать на ноги. Его план на жизнь был прост и ясен: выплатить кредит за учёбу, поработать несколько лет, скопить денег и уехать в какой-нибудь тихий городок с дешёвым жильём. Там он купил бы домик с садиком, завёл собаку и жил бы в своё удовольствие, подрабатывая по мелочи.

В этом плане не было места для «второй половинки».

А потом всё рухнуло. Во время обхода завода произошёл взрыв. Сознание погасло мгновенно, а очнулся он уже здесь, в династии Дали — государстве, которого не знала ни одна книга по истории.

«Компенсации от компании должно хватить на погашение кредита»

Меланхолично подумал юноша, принимая новую реальность. Память прежнего владельца тела усваивалась быстро, облегчая адаптацию. К тому же, и в этом мире его звали так же — Гу Чжао.

Прежний хозяин тела жил в Восточной деревне. Ему было шестнадцать, дома подрастали двое младших братьев — шести и трёх лет, а мачеха была беременна и находилась уже на шестом или седьмом месяце.

Поначалу Гу Чжао решил, что его предшественник скончался от обычной простуды, и даже пожалел бедолагу. Но чем больше воспоминаний всплывало в голове, тем яснее становилось: этот парень был тем ещё подонком.

Оказалось, что прежний обладатель имени тоже помнил свою «прошлую» жизнь. В том варианте судьбы он с двенадцати лет пытался сдать экзамен на степень сюэя, но раз за разом проваливался. Семья больше не могла тянуть расходы на его обучение, мачеха уговаривала бросить это гиблое дело, и в конце концов отец перестал давать деньги.

Однако изнеженный учёбой юноша совершенно не умел работать в поле и презирал «неотесанную деревенщину». В восемнадцать лет он, стиснув зубы, сам явился в Западную деревню к Ли Да и предложил себя в качестве мужа-зятка для Ли Чжоучжоу.

Тот Гу Чжао всем сердцем ненавидел Чжоучжоу, считая его старым и некрасивым. Преодолевая брезгливость, он жил на деньги семьи Ли, в двадцать три года всё-таки вымучил степень сюэцзя, а в двадцать восемь стал цзюйжэнем. После этого он пошёл по стопам классических книжных злодеев: стоило ему занять пост уездного судьи, как он тут же приглянулся богатому помещику. Тот пожелал выдать за него свою дочь, и подонок, недолго думая, согласился. Когда же Ли Чжоучжоу с их общим сыном-гэ'эром отправился на поиски пропавшего мужа, чиновник собственноручно расправился с ними на обратном пути в родные края. Чжоучжоу нашёл покой в неизвестной могиле без надгробного камня.

Спустя десять лет Гу Чжао, погрязший в коррупции вместе со своим тестем, закончил свои дни на плахе.

Кто бы мог подумать, что такой мерзавец получит шанс на перерождение? Но, вернувшись в прошлое, он не почувствовал ни капли раскаяния. Напротив, он решил «ускорить процесс». Осенью того года, когда отец объявил о прекращении финансирования, он, на два года раньше прежнего, отправился к семье Ли наниматься в примаки.

А лихорадку он подхватил из-за собственной злопамятности. Считая мачеху виновницей своих бед, он решил выставить её тираншей, которая изнуряет пасынка работой. Под небольшим дождём он нарочно вышел в поле, надеясь навлечь на женщину дурную славу, но хлипкое тело не выдержало. Мальчишка сгорел от жара, и в этот момент его место заняла другая душа.

Разобравшись в этой запутанной истории, Гу Чжао пришёл в ужас от поступков своего предшественника. Первым его порывом было пойти к семье Ли и расторгнуть помолвку — вовсе не из-за того, что статус чжуйсюя казался ему постыдным, а потому, что он опасался гэ'эров.

Гу Чжао был геєм и всегда предпочитал мужчин, но...

Те гэ'эры, которых он видел в своей деревне, больше походили на четырнадцатилетних школьников: личики в пудре, цветы в волосах, детская наивность в глазах.

«Нет, — решил тогда он, — лучше помереть, чем ввязываться в такое»

Едва оправившись от болезни, юноша всё же отправился в деревню Сипин. Но стоило ему увидеть Ли Чжоучжоу, как он пропал.

Двадцать два года одиночества в современном мире закончились в одно мгновение. Он влюбился без памяти.

Прежний Гу Чжао ненавидел Ли Чжоучжоу, и за давностью лет черты лица в памяти стёрлись, превратившись в некое пугающее пятно. Но тот, кого увидел «новый» муж, был прекрасен.

Девятнадцатилетний Ли Чжоучжоу обладал здоровым цветом кожи, был высок, статен и удивительно миловиден. Ясный взгляд, прямой, изящный нос, тонкие губы... Простая крестьянская одежда с узкими рукавами только подчёркивала его тонкую талию и длинные, сильные ноги.

Гу Чжао тут же забыл о своём намерении. Он вошёл во двор, попросил воды и заявил, что готов к свадьбе в любой момент.

Вернувшись в деревню Дунпин, он стал наводить справки о своём суженом. Те кумушки, что шушукались у него за спиной, как раз и были главными разносчицами сплетен, потешавшими над Чжоучжоу.

Гу Чжао всегда ценил традиции. В современном мире закон не позволял ему оформить отношения официально, но он считал: если люди любят друг друга, это должно быть всерьёз и на всю жизнь. Такой подход в своё время распугал всех его потенциальных кавалеров. «Ты же выглядишь как современный красавчик, откуда в тебе эта старомодность?» — удивлялись они.

А здесь, в династии Дали, сама судьба преподнесла ему этот подарок.

Сквозь оклеенные бумагой окна пробивался бледный лунный свет. Гу Чжао приподнял голову и в полумраке разглядел очертания подбородка мужа. Линия его челюсти была безупречной. Не удержавшись, он нежно коснулся губами его кожи.

Спящий Ли Чжоучжоу, даже в забытьи не забывая о своём долге, ласково похлопал своего «красивого и хрупкого» сянгуну по спине.

Гу Чжао невольно улыбнулся.

«Сейчас мне шестнадцать по местному счёту, а на деле — всего пятнадцать с хвостиком. Прежний хозяин тела терпеть не мог крестьянский труд, отлынивал от любой работы, и в итоге вырос слабым и тщедушным. При росте около ста семидесяти пяти сантиметров он выглядит совсем хрупким»

«Ничего, лицо у нас породистое, а остальное — дело наживное. Немного упражнений, хорошее питание, и я снова стану собой»

Оптимистично решил он. В прошлой жизни его рост составлял почётные сто восемьдесят семь сантиметров. С этой приятной мыслью он заснул, надеясь, что сон поможет ему поскорее вырасти.

На следующее утро, с первым криком петуха, когда за окном ещё только начинало сереть, Ли

Чжоучжоу проснулся. Он осторожно, чтобы не разбудить мужа, скинул одеяло и залюбовался им.

«Сянгун такой красивый, такой белый и мягкий, прямо как рисовые шарики юаньцзы, что едят на праздник Фонарей»

Чжоучжоу долго смотрел на него с невольной улыбкой, а затем споро оделся. Перехватив волосы деревянной шпилькой, он аккуратно сложил одежду мужа и положил её на тёплое место под одеялом. Теперь, когда сянгун проснётся, его вещи будут тёплыми.

Сделав это, он тихо вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь.

Сполоснув лицо ледяной водой, гэ'эр окончательно взбодрился и принялся за дела. Развёл огонь в очаге, налил воды в котёл. Сегодня он решил не скупиться и насыпал в кашу побольше злаков: пшено, бобы и рис — всё тщательно промыл и отправил в котёл. Подбросив в топку полено покрепче, он принялся месить тесто.

Отцу сегодня нужно было идти холостить свиней, путь предстоял неблизкий, так что следовало собрать еды в дорогу. Вернётся он только завтра, заночевав в другом месте, так что съестного должно быть в достатке. Лепёшки в пути — самое милое дело, а вчерашние маньтоу пойдут на завтрак.

Юноша быстро управился с тестом. Пока оно «отдыхало», вода в большом котле закипела. Он помешивал кашу деревянной ложкой, пока не пошёл густой, аппетитный аромат разварившихся злаков. Затем достал из кадки соленья, отрезал половину редьки и нашёл кусок свинины размером с ладонь, оставшийся от свадебного пира. Хорошо, что похолодало — мясо не успело испортиться, но тянуть дальше не стоило.

Он привычно разделил мясо на жирные и постные куски.

«Сянгун, кажется, не очень любит жирное»

Подумал он, нарезая свинину тонкими ломтиками, а редьку — кубиками. Сходив в курятник, гэ'эр принёс два яйца, решив подкрепить силы отца и мужа: родителю предстояла тяжёлая работа, а сянгуну нужно было много учиться и расти.

Но тут Чжоучжоу вспомнил, как вчера за завтраком Гу Чжао настоял на том, чтобы разделить своё яйцо с ним. Сянгун даже кормил его с рук прямо на глазах у тестя.

Вспомнив об этом, юноша невольно покраснел и всё же достал из гнезда ещё одно яйцо. На этот раз он сварит три, чтобы мужу не пришлось делиться и он мог поесть как следует.

Сердце наполнилось тихой радостью. Ли Чжоучжоу с детства привык к лишениям. В старом

доме яйца всегда доставались либо третьему дяде, либо сыновьям второго дяди. Ему же, как гэ'эру, полагались только обеды. Жаловаться было бесполезно. Но теперь, когда муж делился с ним лучшим куском, Чжоучжоу впервые почувствовал, что значит быть для кого-то особенным.

Когда каша была готова, он переложил её в миску, вымыл котёл и поставил на огонь свежую воду. Туда же отправил три яйца, а сверху установил решётку для маньтоу. Так и завтрак останется тёплым, и яйца сварятся, и горячая вода для умывания будет готова.

Закончив с этим, он принялся раскатывать лепёшки. На передней плите уже стояла сковорода, смазанная тонким слоем жира. Чтобы они не получились слишком тяжёлыми в такую холодную погоду, он клал жира совсем немного. Вскоре по кухне поплыл аромат поджаренного теста. Чжоучжоу привычно переворачивал их прямо руками.

В комнате Гу Чжао проснулся и, коснувшись рукой тёплой, аккуратно сложенной одежды, почувствовал, как на душе становится светло. В своей прошлой жизни он, сирота, никогда не знал такой заботы.

«Как же можно было быть таким законченным мерзавцем?»

В очередной раз выругался он про себя в адрес прежнего владельца тела.

Выйдя из комнаты, он обнаружил, что на улице только-только начинает рассветать. Было около шести утра холодного ноябрьского дня.

— Руки не обожги! — воскликнул он, заходя на кухню и видя, как Чжоучжоу переворачивает лепёшки на раскалённой сковороде.

Чжоучжоу вздрогнул от неожиданности, но, узнав голос мужа, расслабился.

— Не обожгу, я привык, — отозвался он. — Сянгун, чего ты так рано встал? Погоди немного, вода уже согрелась, и яйца почти готовы.

Закончив с делом, он собрался было идти к задней плите, но Гу Чжао перехватил его за руку.

— Сянгун?

Гу Чжао осторожно коснулся его пальцев. Кончики были заметно покрасневшими от жара.

— Говоришь, не обжётся? Гляди, кожа-то совсем красная.

— Да это пустяки, дело привычное, — отмахнулся гэ'эр. Для него это и впрямь было мелочью.

Гу Чжао посмотрел на него исподлобья, а затем применил своё тайное оружие — взглянул на мужа жалобно и капризно.

— А мне вот больно смотреть на это... — протянул он вкрадчиво.

Ли Чжоучжоу почувствовал, как по спине пробежали мурашки. Он совершенно не знал, как вести себя, когда муж смотрел на него так — беззащитно и трепетно.

— Я... я понял. Сянгун, обещаю, больше не буду хвататься за горячее руками, — поспешно заверил он.

Гу Чжао удовлетворённо кивнул, продолжая играть роль.

— Я верю тебе, Чжоучжоу.

Юноша густо покраснел. От нежных прикосновений мужа к кончикам его пальцев по всему телу разлилось тепло. Высвободив руку, он торопливо вернулся к делам. Гу Чжао принялся помогать — подхватил таз для умывания и с весёлой улыбкой наблюдал за тем, как Чжоучжоу ловко управляет с тяжёлым чугунным котлом.

— Я отнесу отцу, — вызвался Гу Чжао.

Ли Чжоучжоу, смущённый его пристальным взглядом, только и смог, что кивнуть в ответ.

Гу Чжао вышел из кухни, неся таз с горячей водой. Его напускная немощь мгновенно сменилась довольной усмешкой. Всё-таки роль слабого и нуждающегося в защите приносила свои плоды — Чжоучжоу на глазах становился мягче.

С того самого дня, когда Гу Чжао впервые переступил порог дома Ли, он не мог отвести глаз от мужа. Но и Ли Чжоучжоу чувствовал то же самое. Вся жизнь его попрекали внешностью, и он сам начал верить в свою неказистость. Но когда пришло время искать мужа-зятка, он твёрдо решил: пусть отец и тратится, но человек в доме должен быть ему по сердцу. В глубине души юноши кипела обида, и он хотел во что бы то ни стало найти себе достойную пару — всем назло.

При первой же встрече он подумал: «До чего же красив! Краше любого гэ'эра». Гу Чжао был именно таким, каким Чжоучжоу сам всегда втайне мечтал стать.

Конечно, Гу Чжао понимал, что муж без ума от его внешности. Впервые он воспользовался этим в брачную ночь: Чжоучжоу тогда сидел напряжённый и пытался командовать, как и положено хозяину в доме. Но Гу Чжао видел, что тот напуган до смерти. Стоило ему тогда прикинуться робким и милым, как напряжение мгновенно спало. С тех пор он стал пользоваться этим приёмом всё чаще.

В конце концов, это же просто маленькая семейная хитрость. Какая разница, что подумают другие, если его Чжоучжоу это нравится?

Ли Да уже поднялся. Одетый в рабочую куртку с узкими рукавами, он укладывал свою сумку. С одной стороны лежали инструменты для холощения свиней, с другой — вода и нехитрый запас еды. Увидев, как зять несёт ему горячую воду для умывания, старик внешне остался бесстрастным, но в душе одобрительно кивнул. Пусть зятёк и щуплый, зато к Чжоучжоу относится со всей душой.

После умывания настало время чистить зубы. Обычно в деревнях использовали размочаленные ивовые прутики, иногда окуная их в грубую соль для чистоты. Но даже для небедной семьи Ли соль была слишком дорогой, чтобы тратить её на это каждый день. В городе продавались специальные зубные порошки, но у Гу Чжао в приданом были только две смены одежды да одеяло — ни единой монеты за душой. Впрочем, он не жаловался.

За столом в главной комнате уже стояла корзинка с пышущими жаром лепёшками. Посередине красовалась миска с тёплой злаковой кашей — сегодня она была особенно густой — и большая чаша с жареной свиной и редькой.

Ли Да вошёл и увидел, как Чжоучжоу аккуратно перекладывает лепёшки в дорожную сумку с помощью палочек. «Раньше он всегда руками брал, чего это сегодня затеял?» — удивился старик.

— Четырёх хватит, — сказал он. — Вечером зайдём к Чжу Лаосы, пропустим по чарочке. У него и заночую, принесу с собой ливер — нажарим закуски, так что голодным не останусь.

Ли Чжоучжоу уложил еду в чистый мешочек, плотно завязал и убрал в сумку отца вместе с флягой воды.

— Чжоучжоу, лепёшки уже остыли, попробуй — очень вкусно, — Гу Чжао отломил половинку и протянул мужу.

Чжоучжоу принял угощение, и этот кусок показался ему слаще любого лакомства.

Когда с завтраком было покончено, Ли Да закинул сумку на плечо и вышел со двора. Только в

пути он вспомнил, как сын подавал ему еду палочками, а зять заботливо кормил своего супруга с рук. Ли Да не до конца понимал, что именно происходит между ними, но, глядя на алое, встающее над полями солнце, он чувствовал — жизнь в их доме наконец-то налаживается.

<http://bllate.org/book/15349/1412395>